

Глава 1

— Что ты так на меня уставилась? — спросила Лори, глядя на Эмили поверх тоста с вареньем.

— Я не уставилась! — Эмили старалась, чтобы её голос звучал убедительно, но это было непросто. Она и вправду таращилась на сестру во все глаза. Это происходило помимо воли. Эмили постоянно ловила себя на том,

что смотрит на Юлу и Лори, на Стрижа, маму и папу.

Впрочем, это и неудивительно. Прошла всего лишь неделя с тех пор, как Эмили узнала, что она приёмный ребёнок. Причём её не просто удочерили, а нашли на улице. Она подкидыш, подумала Эмили, ковыряя ложкой в тарелке с хлопьями. Есть совсем не хотелось. Подкидыши — это что-то из древней истории. В наше время такого не бывает.

Хотя мало ли что... Когда старшие сёстры у тебя на глазах отращивают себе крылья... Если кому рассказать — никто не поверит. Многие люди не верят в фей. Но Эмили доподлинно знала, что феи существуют. И феи, и эльфы, и другие вол-

шебные существа. С пятью такими волшебными существами она жила в одном доме.

— Ну вот опять! — Лори отложила тост и сердито уставилась на Эмили. — Я что, странно накрашилась, что ли?

Эмили пожала плечами:

— Нет... то есть да. Но ты всегда красишься странно.

Лори обожала блестящие тени для глаз, но в школе им запрещали пользоваться косметикой, поэтому она ходила в своей «боевой раскраске» только по выходным. Даже вставала раньше на полчаса, чтобы накраситься к завтраку. Сегодня у неё на кончиках ресниц были приклеены крохотные фиолетовые стразы.

— Ты вообще что-нибудь видишь? — спросила Эмили, перегнувшись через стол и заглядывая Лори в глаза в окружении блестящих стразов.

— Конечно, вижу, — раздражённо ответила Лори. Она захлопала ресницами, и крошечные камешки на их кончиках сделались ярче. Закусив губу, Эмили наблюдала, как стразы сорвались с ресниц сестры и, распахнув крошечные крылышки, взвились в воздух гудящим искрящимся роем, а потом вернулись на место. Эмили так и не поняла, посадила ли Лори себе на ресницы настоящих волшебных мушек или заколдовала обычные стразы. Или заколдовала саму Эмили, чтобы

ей привиделось, будто они летают.

— Ага, она прекрасно всё видит. Поэтому чуть не сверзилась с лестницы, — сказала Юла, пихнув Лори локтем в бок. Юла и Лори были двойняшками, но не близнецами. Даже если не принимать во внимание неудержимую страсть Лори ко всему блестящему, они все равно отличались друг от друга. Лори была блондинкой, а Юла — шатенкой с тёмными прядями. И всё-таки сразу было понятно, что они сёстры. У Стрижа, младшего брата Эмили, были точно такой же острый подбородок и точно такие же огромные глаза. Семейное сходство.

Эмили была совершенно на них не похожа. Ещё до того, как ей стало известно, что она приёмный ребёнок, она часто задумывалась об этом. Она была самой обыкновенной. С чёрными кудрявыми волосами, которые после сна всегда напоминали воронье гнездо, и с тёмно-кариими глазами. Вполне симпатичная девочка, но не ослепительная красавица, как все остальные в её семье. Даже папа был очень хорош собой. Когда он давал интервью о своих книгах, журналисты потом восхищались не книгами, а его внешностью кинозвезды и серебристо-пепельными волосами.

Лори посмотрела на Эмили и улыбнулась:

— Ты меня разглядывала, как картину. Я сделала так, чтобы тебе было на что посмотреть.

— Значит, они не настоящие? — спросила Эмили.

Лори закатила глаза:

— Я всё время забываю, что ты совсем ничего не знаешь.

— Так расскажите мне! — рассердилась Эмили, но Юла с Лори только переглянулись и одновременно пожали плечами.

— Спроси у мамы, — сказала Лори. — Или у папы. Хотя сегодня его лучше не трогать. Я спросила, идёт ли он завтракать, а он ответил, что это весьма интересный вопрос, и поинтересовался, точно ли зубы должны быть к чему-нибудь прикреплены. Он

явно выдумывает очередное чудовище.

Эмили вздохнула:

— Ясно. Но расскажи мне хотя бы об этих стразах. Я так и не поняла: ты превращала их в мушек или нет?

— Нам не разрешается использовать магию, пока мы находимся в этом мире, Эми, — сказала Юла. Она всегда была спокойнее и терпеливее Лори. Именно Юла уговаривала Лори не прогонять Эмили, когда той хотелось побыть с ними. Сейчас, когда двойняшкам исполнилось тринадцать, они вдруг сделались очень взрослыми. Слишком взрослыми, чтобы возиться с надоедливой младшей сестрой.

— Но Лори заставила меня их увидеть! — возразила Эмили. — Разве это не магия?

— Ну... да, магия, — нехотя призналась Лори. — Но очень слабая. Никто не будет ругаться. Мама с папой даже и не заметят.

— Зачем тогда убивать столько времени, чтобы накраситься, — пробормотала Эмили, — когда можно просто наколдовать?

— Нам нельзя колдовать! — Лори явно собиралась сказать что-то резкое, но Юла пихнула её локтем в бок, и Лори добавила, вполне любезно: — Если наколдовать макияж, он должен держаться весь день, правильно?

— Не обязательно, — пожала плечами Эмили.

Иногда Лори меняла лак на ногтях по четыре раза на дню.

— Это будут уже настоящие чары наведённого облика, — объяснила Юла. — Когда люди видят её не такой, какая она на самом деле. И не ты одна, но и все остальные. И ей придётся всё время поддерживать эти чары. А это уже очень сильная магия.

— Ясно, — кивнула Эмили. — А что случится, если вы будете использовать сильную магию? Что-то ужасное?

Она нахмурилась, пытаясь представить, что это может быть: небо упадёт на землю? Или внезапно сюда прилетит разъярённый огнедышащий дракон, готовый испепелить сестёр?

— Мама меня накажет. — Лори быстро доела тост, встала из-за стола и вышла в сад.

Эмили вздохнула, рассеянно перемешивая в тарелке хлопья с молоком. Она по-прежнему очень многого не понимала. Она была рада, что Пепел, её папа, принёс её к себе домой, когда нашёл брошенной на берегу реки. Конечно, она была рада — она даже не представляла, как жила бы в какой-то другой семье. Но всю эту неделю она постоянно думала о своих настоящих родителях. Почему они бросили её у реки, завернув в одеяльце? Она пыталась представить себе тот день. Её приёмный отец прогуливался у реки, под плакучими ивами, — он го-

ворил, что погода была замечательная, — и вдруг наткнулся на крошечный свёрток. Может быть, её настоящая мама наблюдала за ней, спрятавшись где-то неподалёку, чтобы убедиться, что кто-то возьмёт её дочку? Может быть, ей хотелось помчаться вдогонку за Пеплом и отобрать Эмили обратно?

И какой стала бы Эмили, если бы её настоящая мама её не бросила?

— Наверное, твои настоящие родители были прекрасными поварями, — сказал Стриж, наблюдая за тем, как Эмили перекладывает

вает горячие плюшки с противня на тарелку и дует на пальцы. Ворчун, их большой чёрный пёс, тоже не сводил глаз с плюшек, подбираясь всё ближе и ближе к столу. Ворчун и вправду был очень большой. Его усы находились вровень со столешницей, и сейчас они заинтересованно подёргивались.

Эмили резко подняла голову. Одна плюшка скатилась со стола и упала на пол.

С нечеловеческой скоростью Стриж наклонился, подхватил плюшку буквально в двух сантиметрах от пола и приветливо ей улыбнулся:

— Быстро поднятая плюшка не считается упавшей. Ничего, что

она свалилась. Я всё равно её съем.

Ворчун сердито уставился на Стрижа. Всё, что падало со стола, было законной добычей пса. И все это знали.

— Вообще-то она даже не коснулась пола, — возразила Эмили.

— Почти коснулась. — Стриж невинно захлопал глазами. — Но это не страшно. Всё равно кто-то должен её съесть. Как думаешь, я правильно угадал насчёт твоих настоящих родителей?

— Я не знаю. — Эмили отвернулась, чтобы положить противень в раковину. — Я об этом не думала.

— Врёшь. — Стриж поднёс плюшку к носу. — Пахнет вкус-

но. Там какая начинка? Шоколад и...

— Апельсины.

Эмили села за стол и взяла плюшку и себе тоже.

Надо же как-то себя вознаградить.

— Ты не сердишься, что я спрашиваю о твоих настоящих родителях? — проговорил Стриж с набитым ртом.

— Нет, — вздохнула Эмили. Она понимала, что Стриж тоже сгорает от любопытства. И тут ей в голову пришла одна мысль... — Слушай, Стриж, а когда ты узнал, что я тебе не родная сестра?

Стриж на два года младше Эмили. Он родился уже после того, как Пепел и Ева её удочерили. Значит, когда-то ему долж-

ны были сказать, как у них появилась Эмили.

Стриж выковырял из плюшки пару кусочков шоколада, положил их в рот и задумчиво уставился на Эмили.

— Когда мне было пять лет. Может быть, шесть. Когда я уже понимал, что не должен тебе ничего говорить. Но это не важно. Ты всегда была с нами и всегда будешь с нами. — Он пожал плечами. — Я умею хранить секреты. Мама специально заколдовала, чтобы я держал язык за зубами. Ей пришлось меня заколдовать. Иначе я бы ещё в детском саду разболтал всем и каждому, что умею летать.

Эмили уныло кивнула. Она понимала, почему от неё так долго

скрывали правду, но ей всё равно было обидно. Мало того, что она не родная в своей семье, так они ещё и секретничали у неё за спиной. Это было хуже всего.

— Я с самого начала знал, что ты не такая, как мы, — добавил Стриж. — Я тебя чувствовал по-другому. Люди чувствуются по-другому. Но я был ещё маленьким и не понимал почему.

Эмили нахмурилась:

— Почему мы чувствуемся по-другому?

Стриж пожал плечами:

— Потому что... потому что вы другие. — Он поспешно добавил, заметив, как растерянно и огорчённо смотрит на него Эмили: — Я просто не знаю, как объяснить! Ну хорошо. Я попро-

бую... Мы устроены по-другому. В смысле мы сейчас в человеческом обличье, но ты видела, какие мы на самом деле. Когда мы сказали тебе правду.

Эмили кивнула, вспоминая тот вечер, когда мама с папой, сёстры и брат предстали перед ней в своем истинном облике. Как у них выросли крылья, как перья на крыльях искрились, складываясь в невероятные узоры. Как изменились их лица, как их глаза сделались нечеловечески огромными и засияли волшебным светом. Даже тогда, в потрясении, Эмили понимала, что они показали себя настоящих. Они были такими, какими должны быть.

Так не похожими на неё.

— Да, — хрипло проговорила она.

— Ну вот. Мы устроены по-другому. Например, в наших жилах течёт не кровь, как у людей.

Эмили нахмурилась, стараясь вспомнить, видела ли она хоть раз, чтобы у Юлы, Лори или Стрижа были царапины или ссадины на коленках. Видела ли она, как у них идёт кровь. Кажется, нет. Она всегда была самой неуклюжей в семье, постоянно обо всё ударялась и спотыкалась на ровном месте...

— А что вместо крови? — спросила она, пристально глядя на тонкие руки Стрижа и пытаюсь разглядеть вены под бледной кожей.

— Магия. — Стриж пожал плечами. — Вместо крови у нас магия. Мы живём магией. Но это значит, что мы можем чувствовать вашу кровь, и это особенное ощущение. В людях есть тепло, которого нет у нас.

Эмили прикоснулась к руке Стрижа. Самая обыкновенная рука. Липкая, испачканная в шоколаде и такая же тёплая, какой всегда и была.

Стриж улыбнулся и облизал пальцы, испачканные в шоколаде:

— Я не очень хорошо объясняю. Кожа у меня тёплая, ты сама знаешь. Ты бы заметила, если бы мы были холодными, словно только что из морозилки.

— Да, — кивнула Эмили. Когда они со Стрижом были помладше,

они часто сидели, прижавшись друг к другу, на диване в гостиной, а папа читал им вслух книжку или рассказывал удивительные истории, которые выдумывал сам. Она бы заметила, если бы Стриж был холодным, как ледышка.

— В вас есть искра жизни, рядом с которой древние феи чувствуют себя сильнее. Вот почему мы старались не подпускать тебя к ним. Они давно хотят тебя заполучить. — Он откусил кусочек плюшки. — И мне кажется, в тебе эта искра горит ещё ярче, чем в других людях. Потому что ты живёшь с нами, в волшебном доме. Ты уже не совсем обычный человек. В тебе тоже есть капелька магии. Ты вся пропита-

лась магией, и она в тебе проросла. А теперь, когда ты прошла через дверь, эта магия стала ещё сильнее.

Эмили медленно кивнула. Вроде бы это звучало разумно. Хотя лучше бы у неё была магия, которую она могла бы использовать для себя. Какой смысл в твоей магии, если она нужна лишь для того, чтобы превращать тебя в лакомую добычу для злых древних фей? Как будто Эмили — плюшка с двойной шоколадной начинкой. В сахарной глазури.

— То есть... вы сделаны из магии? — спросила она. Пока у Стрижа есть желание поговорить, этим надо воспользоваться.

— Ага, — промычал Стриж, радостно вгрызаясь в плюшку.

— Но если вы устроены по-другому и ваш организм не такой, как у нас, тогда почему вы едите человеческую еду? — Эмили указала глазами на плюшку в руке Стрижа, и он прикрыл плюшку рукой, как будто боялся, что её у него отберут.

— Нам же надо питаться! Да, мы едим не так часто, как люди. Но я люблю вкусно поесть. — Он улыбнулся Эмили. — А больше всего я люблю шоколад. Мне кажется, люди украли его у нас. Наверняка! Он такой вкусный.

Эмили уже не слушала брата. Она смотрела на свои руки, на голубые прожилки вен под кожей. Когда она узнала, что волшебная страна существует на самом деле, ей захотелось узнать

о ней больше. Захотелось узнать о ней всё. Хотя, может быть, кое-чего лучше не знать.

— А вампиры тоже существуют на самом деле?

Стриж фыркнул:

— Нет. Хотя...

— Они существуют? — испуганно прошептала Эмили.

— Они не такие, как о них пишут в книгах, — весь этот бред про чеснок, укусы в шею и дурацкие чёрные плащи. Но, как я уже говорил, феи иногда похищают людей и забирают к себе, в волшебную страну. Если могут. И люди, которых похитили феи... они как бы опустошаются. Из них уходит часть жизни. Особенно если они отведают зачарованную еду. После этого лю-

бая человеческая еда кажется им противной и несъедобной, и они умирают от голода. В общем, понятно, откуда взялись истории о вампирах. — Стриж растянул губы, изображая вампирский оскал. — Кстати, у большинства фей очень острые зубы.

Эмили кивнула, глядя на брата с несчастным видом.

Стриж вздохнул:

— Эмили, почему ты такая убитая? Я просто пытаюсь тебе рассказать всё как есть. Ты спросила — я ответил.

— Я не убитая. Просто... теперь всё по-другому. Иногда всё как прежде, а потом ты расскажешь мне что-нибудь о волшебной стране — и я понимаю, что знаю вас очень плохо. На самом

деле совсем не знаю. И я себя чувствую дурочкой из-за того, что считала себя твоей сестрой.

Стриж внимательно разглядывал плюшку, проверяя, не осталось ли там ещё шоколадных кусочков.

— Ты и есть моя сестра.

— Но не настоящая!

Стриж пожал плечами:

— По-моему, вполне настоящая. Сколько я себя помню, ты всегда была рядом. И ты обычно относишься ко мне лучше, чем Юла и Лори, хотя мы с ними родные. — Он запихал в рот последний кусок плюшки и с надеждой уставился на Эмили. — Можно ещё одну штучку? — промычал он с набитым ртом. — Ну пожалуйста.

Эмили молча передала ему плюшку. Как бы мама с папой и Юла с Лори ни уверяли, что они её любят, что она им нужна, что она для них самая лучшая, их радость, их солнышко, она всё равно чувствовала себя так, словно её вывернули наизнанку и поставили с ног на голову. А Стриж вёл себя с ней как обычно — всё так же поддразнивал её, всё так же выпрашивал сладости, — и от этого ей было легче.

— Как ты думаешь, я когда-нибудь узнаю, кем были мои настоящие родители? — вдруг спросила она. Потом быстро схватила плюшку и откусила большой кусок, чтобы Стриж не догадался, как сильно она волнуется в ожи-

дании ответа. Всё-таки он её младший брат. И пусть не воображает себя большим и умным.

— Можно попробовать их поискать... — Стриж нахмурился, его тонкие тёмно-рыжие брови сошлись в одну линию. — Но... Тебе это надо? В смысле... — Он пожал плечами. — Они тебя бросили, Эми. Я не знаю, а вдруг... Может быть, они тебе не понравятся.

— Наверняка у них были причины... — Голос Эмили дрогнул. Наверняка у них были серьёзные причины, чтобы бросить своего ребёнка. Или она была просто им не нужна?

Слезинка упала на плюшку в руках Эмили.

Стриж судорожно проглотил кусок плюшки, который успел откусить, и встревоженно уставился на Эмили:

— Хочешь, я позову маму? Она у себя в мастерской. Она говорила, что у неё появилась идея для нового шарфа... — Он вскочил из-за стола и попятился от Эмили, как будто боялся, что слёзы — это заразно.

— Нет. — Эмили шмыгнула носом и покачала головой. — Со мной всё в порядке. Я просто боюсь... а вдруг я такая же, как мои настоящие мама и папа? Они меня бросили, я была им не нужна. А вдруг я, когда вырасту, стану плохим человеком?

Стриж задумчиво сморщил нос:

— Ну не знаю. Сейчас в тебе нет ничего плохого. С чего бы тебе становиться другим человеком?

— Потому что я себя чувствую другой! — крикнула Эмили. — Всё изменилось!

— Нет. — Стриж сердито уставился на неё. — Всё осталось как было, просто теперь ты знаешь. Вот и всё.

Эмили беспомощно смотрела на него. Вот и всё? Да, наверное, он прав. Но почему он считает, что всё так просто? Всё очень непросто.

Стриж принялся возить пальцем по столу, гоняя крошки от плюшек:

— Ты очень вкусно готовишь. И ты всегда знала, что это уме-

ние у тебя не от мамы и не от папы.

Да уж. Мамины торты и пироги могли бы по праву считаться самыми жуткими тортами и пирогами всех времён и народов. На школьных «сладких ярмарках» всем четырём детям Пероу приходилось прятать мамины кулинарные изделия, чтобы их никто даже не видел. То есть так было раньше. Пока Эмили не взяла сладкую выпечку на себя. Папа вообще не умел готовить. Вершиной его кулинарного мастерства был сэндвич из двух кусочков хлеба и всего, что папа находил в холодильнике, когда в три часа ночи выползал из своего кабинета после изнурительной битвы со сложной главой.

Эмили вздохнула. Стриж сказал правду. Потом она улыбнулась брату и хитро прищурилась:

— Третью плюшку ты всё равно не получишь. Даже и не пытайся.